Небом дан

Автор:
Юлия Резник

Небом дан

Юлия Резник

Грех брать чужих детей, когда ты можешь своего выносить, – говорит свекровь, хмуро на меня глядя.

– Чтобы кого-то выносить, нужно этого кого-то сначала зачать, – смеюсь сквозь слезы. – А вы утверждаете, что мой муж бесплоден!

– Анатолий к зачатию неспособен, да, но и чужие гены нам в семье ни к чему, так?

Я киваю, сбитая с толку, ничего не понимающая. На глазах слезы…

– Конечно.

– Тогда остается лишь один вариант. Других нет.

– Какой же?

– Савва.

– Ваш старший сын? – не верю своим ушам. Ну не может же она мне это предлагать в самом деле!

– Угу. Он грубиян, конечно, и распутник жуткий, но ради ребеночка потерпишь.

В книге присутствует нецензурная брань!

Юлия Резник

Небом дан

* * *

Глава 1

Ника

– Ника!

Голос за спиной заставляет вздрогнуть. Я оглядываюсь, машинально крепче сжимая ладошку сына. Во дворе не горят фонари, и сгустившуюся темноту разбавляет лишь свет, льющийся из окон стоящей напротив пятиэтажки. Ежусь. Ветер проникает под полы пальто и с остервенением рвет листы новенького выпуска Антифорбса. Так моя соседка в шутку зовет списки должников, что коммунальщики вывешивают для острастки на двери подъезда. Собственно, возле них мы с Ромкой и замешкалась. Непривычно там себя видеть… Непривычно и страшно.

Но еще страшнее становится, когда тот, кто меня позвал, выходит из тени. Мама дорогая, я и забыла, какой он здоровенный!

Нащупываю в кармане ключ. Прикладываю к замку таблетку, рывком дергаю на себя железную дверь и залетаю в подъезд, волоча за собой в одной руке сразу Ромку, мольберт и папку с набросками. За дверью раздается визг шин. Ему вторит отборная ругань. Похоже, бросившись за нами вдогонку, Савва едва не

попал под колеса въехавшей во двор машины.

– Бежим! – командую я, подталкивая Ромку к ступенькам.

– Зачем? Ты знаешь этого дядьку? Он что, плохой?

Физические упражнения – не мое. В боку колет. Мольберт оттягивает руку и при каждом шаге больно бьет по ноге. А тут еще Ромкин вопрос. На который у меня нет внятного ответа. Поэтому я невнятно пыхчу:

– Понятия не имею, но лучше не рисковать.

Дверь в подъезд открывается. Звуки тяжелых шагов взмывают ввысь, между лестничными пролетами. Судя по тому, как стремительно Савва передвигается, подняться к себе я уже не успею. Да и безопасно ли это? Вдруг он узнал мой адрес?

Ну конечно, узнал, дурочка! Иначе как бы он здесь очутился? – одергиваю себя и что есть сил колочу в дверь соседки, которая вроде бы уже должна быть дома.

– Кто там?

– Не пугайся, не гости! Да открывай же ты!

– Ника? – Люська удивленно хлопает ресницами. Поплывшая за день тушь оставляет черные засечки на ее нависающих веках. Ничего не объяснив, оттесняю соседку вглубь квартиры. Торопливо захлопываю за собой дверь, проворачиваю замок и зачем-то накидываю цепочку. Все! Дело сделано. Я сгружаю на пол свое барахло и без сил прислоняюсь к двери спиной. Дыхание сорвано, и я отчаянно хватаю ртом воздух. За моими потугами вернуть себе самообладание соседка наблюдает с открытым ртом:

– Ну, и что это должно означать?

– Да, мам, что? – поддакивает Ромка.

Как им рассказать? Зачем? Это моя тайна. Точнее, моя… и Саввы. Он обещал мне ее хранить. И нас не беспокоить обещал тоже. А теперь вот. Принесла нелегкая. Может, зря я убежала? Поговорили бы, и не пришлось бы гадать, что ему нужно.

Вряд ли я. Или мой сын… Это мы обсудили на старте.

– Ромка, иди, поиграй с Иришей, ага? Твой-то дома? – оборачиваюсь к соседке. Вопрос дурацкий. Низкорослый тощий трусоватый Самат – такая себе защита. Да и нужно ли меня защищать? Может, все-таки выйти и поинтересоваться у Саввы, зачем он нагрянул? Прижимаюсь к глазку. Мой преследователь как раз выходит на лестничную клетку и останавливается, настороженно оглядываясь. Я не дышу, не шевелюсь, не издаю ни звука, но все равно никак не могу отделаться от мысли, что он меня чует, как всякий хищник – свою добычу.

– Да что случилось-то? – возмущается Люська.

– Ш-ш-ш! Пойдем на кухню, – шепчу я.

Люська идет. Но прежде тоже зачем-то на миг замирает у глазка.

– Хорош.

– Кто?

– Это я у тебя должна спрашивать.

– А-а-а… Ты про Савву?

– Если его так зовут.

– Так. Да…

– Ну и кто такой этот Савва? На журналюгу вроде бы не похож.

Журналисты меня преследуют вот уже почти полгода, с тех пор как стало известно об обвинениях, предъявленных моему бывшему мужу. Поэтому

предположение Люськи вполне оправдано.

– Савва не имеет отношения к журналистике.

– И кто же он?

– Он брат Анатолия.

– Вот этот? – Люся тычет толстым пальцем за спину и снова недоверчиво открывает рот, отчего брыли на ее щеках приходят в движение. Удивление соседки мне понятно. Анатолий с Саввой совершенно не похожи. Поставь рядом, никому и в голову не придет, что это родные братья.

– Только не говори мне, что и он поп.

Представив огромного, как медведь, Савву в рясе, я почему-то начинаю истерично ржать.

– Нет, к религии он никакого отношения не имеет.

– Ну, и слава богу. Я всегда недоверчиво относилась к фанатикам. И, кстати, не раз тебя предупреждала, что Анатолий…

– Пожалуйста, только не начинай!

Я не хочу больше слышать ни слова о своем бывшем. От понимания, какой мерзостью он занимался, меня тошнит. От мысли же, что он мог втянуть в это Ромку, ломает и корежит. Хорошо, что до этого не дошло. Я бы никогда себя не простила, если бы он… В общем, счастье, что все обошлось. И что на самом деле Анатолий Ромке никакой не отец, даже если так написано в его документах.

– Молчу. Есть хочешь? Самат рыбы наловил.

Гляжу на брошенных в раковине карасей. Всюду чешуя и потроха. Наконец, становится понятно, почему в комнате так остро пахнет кровью.

– Нет. А где он сам?

– Отсыпается после рыбалки.

– Ну… Рыбалка – это хорошо, – зябко прячу кисти в рукавах. – Единение с природой, и все такое…

– Единение с природой? – возмущённо фыркает Люська. – Вероятно, это объясняет, почему этот гад нажрался до поросячьего визга. А я все гадала.

Смеюсь. Люська у нас юмористка. Я и не догадывалась, как мне не хватает ее бойкого языка, пока не вернулась сюда, после ареста мужа. До него мы жили в шикарной квартире в центре, а эту сдавали.

– Ты видела, какой тебе в подарок оставили долг?

– В Атифорбсе? Ага. Как раз зависла у списков, когда Савва явился, – неопределенно машу рукой.

– Ну, и как ты допустила такое? – грозно интересуется Люська, насыпая муки в тарелку. И это, кстати, очень хороший вопрос. Наверное, я просто дура. Нужно было каждый месяц проводить сверку, как все сознательные арендодатели, а я все стеснялась показаться навязчивой.

– Ну, долг у меня не самый большой, – мямлю.

– Ага. С алкашами из седьмой квартиры не сравнится, конечно. Ребята скоро в ноль выйдут.

– Это как? – заинтересовавшись, склоняю голову к плечу.

– Сравняют долг со стоимостью своей халупы.

– А-а-а, – протягиваю, посмеиваясь. Болтовня с Люськой немного отвлекает. Из гостиной доносятся детские крики. Видать, Ромка с Иркой опять не могут поделить игрушки.

– Пойду на них шикну.

– Да сиди ты!

– Так ведь Самата разбудят.

– Ничего. Чай, не прынс. Он и так весь день почивать изволит.

Обвалянные в муке караси отправляются на раскаленную сковородку. Пахнет уже не кровью, а вполне себе вкусно. Я ж не ела ничего целый день.

– Что думаешь делать?

– Попытаюсь продать несколько картин. Перед Новым годом обычно хорошо берут.

– Да я не про долг!

– А про что?

Нет, как же все-таки вкусно пахнет!

– Про Савву.

Я нервно передергиваю плечами. На этот счет никакого плана у меня нет. Просто потому что я не думала, что этот самый план мне когда-то понадобится.

– Планирую перекантоваться у тебя.

– Грандиозно! То есть ты с концами переезжаешь? Вот так Самат обрадуется!

– Ну почему сразу переезжаю? – удивляюсь. – Ты же не думаешь, что Савва станет меня преследовать? – широко распахиваю глаза.

– Почему нет? Смотря что ему от тебя надо.

Люська глядит так въедливо, что я не выдерживаю и отвожу глаза. А ко всему, возможно, даже немного краснею. Всегда моя кожа была такой. Чуть что – я расцветаю, как майская роза.

– Ну-ка, ну-ка, посмотри на меня!

Пахнущая рыбой рука касается моего подбородка. Я уворачиваюсь, с трудом скрывая свое отвращение.

– Люсь, ну что ты со мной как с ребенком, правда?

– А ты не ребенок?

– Мне скоро тридцатка стукнет!

– В твоем случае это ничего не меняет. Ты не от мира сего.

Расстроенно шмыгаю носом. Я была бы рада что-то Люське возразить, но против правды, как говорится, не попрешь.

– Не знаю, может, уехать куда? – на первый взгляд эта мысль кажется мне ужасно заманчивой.

– Куда, например? – Люська тоже как будто прониклась.

– Не знаю. В какой-нибудь город поменьше. Там некому будет нас донимать. Я ужасно устала от этого. Думала, пройдет время, и все устаканится. Но уже позади полгода, и все никак. А еще Ромка…

– А он что?

– В школе как-то пронюхали, чей он сын. И теперь буллят его по полной. Называют… – понижаю голос до шепота. – Господи, я даже повторять этого не хочу!

Люся вываливает на тарелку рыбу со сковороды и бухает передо мной.

– Ешь! А чтобы куда-то переезжать, надо иметь сбережения. У тебя есть какая-нибудь заначка?

– Да откуда, господи?

– Ну, а куда ты тогда поедешь? Сама посуди – это квартиру снять надо, раз. Деньжата на первое время, два…

– Дальше можешь не перечислять. Я все поняла. – Отламываю большой кусок рыбы, отправляю в рот, но аппетита как не бывало.

– И тут мы снова возвращаемся к Савве.

Я закашливаюсь, подавившись:

– А он здесь при чем?

– При том. Он вам родня? Родня! К тому же, учитывая, что они с Толиком совсем не похожи внешне, есть шанс, что и внутри Савва не такой гнилой.

На слове «родня» я опять краснею. И чтобы это не было так заметно, отворачиваюсь к окну. А за окном он… Стоит у огромного внедорожника, повернувшись к лесу передом, а к нам с Люськой, вестимо, задом. Скольжу обеспокоенным взглядом по его богатырской спине. В зимнем распахнутом настежь пуховике он кажется еще больше, чем я запомнила.

– Я его не знаю совсем. Но в семье именно Савва всегда слыл паршивой овцой.

– Учитывая, какой придурочной оказалась поповская семейка – это скорей комплимент. К тому же, знаешь, как у нас говорят? С паршивой овцы хоть шерсти клок! Погляди!

– Ну и чего я здесь не видела?

– Тачку видишь? Парень-то он, похоже, небедный.

Тут я ничего сказать не могу. Про Савву в семье говорили мало. И никогда – в положительном ключе. Знаю только, что в двадцать он загремел на нары, провел там два года, вышел по УДО, а после осел где-то на севере. К нам он заезжал всего пару раз. И об этом… короче, об этом я как раз и не люблю вспоминать.

– Даже если так. Что это меняет?

– Что меняет? Ты совсем того? Он тебе может помочь!

– Зачем бы он стал это делать?

– Ник, ты совсем дура?

– Почему дура?! – возмущаюсь. – Мы чужие люди!

– Вы, может, и так, а Ромка?

Меня охватывает ужас. Кажется, Люська разгадала секрет, который я ношу в себе долгие годы.

– А что Ромка? – сиплю я, с трудом справляясь со спазмом, перехватившим горло.

– Ну, он же ему племянник! Думаешь, Савва бросит его на произвол судьбы?

Племянник! Я зажмуриваюсь. От облегчения кровь устремляется прочь из головы, и та немного кружится.

– Да он его и не видел ни разу, – мямлю я, уткнувшись в тарелку.

– Все равно. Кровь – не водица.

– Фу, не повторяй эту поговорку. Она мне об Анатолии напоминает, – передергиваю плечами.

– Воспитание тоже играет немаловажную роль, – идет на попятный Люська. – Твой Роман – отличный парень.

– Скажи это его одноклассникам.

– Дети жестокие.

– Да уж, кому как не мне это знать? Знаешь, мы, наверное, пойдем… Ромка! Роман… Собирайся.

– А если Савва опять к тебе сунется?

– Ты сама сказала, что к тебе переехать не получится, – с трудом выдавливаю из себя шутку. – Спасибо, что выручила. И за ужин тоже.

– Пустяки. Слушай, может, ты бы Романа перевела в другую школу?

Я складываю руки на животе. Прислоняюсь спиной к холодильнику:

– А что это даст? Там тоже вскорости узнают, чей он родственник. И дальше что? Опять переходить в другую школу?

– Ну, Толик. Ну, скотина! Всем жизнь испортил…

Я сглатываю. У меня нет никаких сил снова и снова возвращаться к этому. Хватит уже того, что я одиннадцать лет жила с человеком, которого не знала. Я подвергала риску собственного ребенка, я… Нет. Нет, не нужно. Не то опять не усну.

Ромка выбегает из комнаты. Я вымученно улыбаюсь. Подаю ему курточку, ласково веду по темным, совсем не таким, как у меня, волосам. Перевожу взгляд на затаившуюся за дверью Иришку. Та тоже совершенно не похожа на мать. Скромница и стесняшка. Помигиваю ей напоследок, сторонюсь, позволяя Люське открыть дверь. Теперь, когда страх схлынул, я в жизни не разберусь во всех этих засовах. Прощаюсь с Люськой взмахом руки. Дверь захлопывается. Мы с Ромкой торопливо поднимаемся к себе, гремя ключами, я открываю дверь. Пропускаю сына в притихшую квартиру, сгружаю мольберт и замираю, как

кролик, услышав за спиной негромкое:

– Добрый вечер.

Глава 2

Савва

В тусклом свете прихожки кажется, будто и не было этих лет. Все как тогда. Даже реакции те же. Смотрю на нее, и все внутри настороженно замирает. Она – вчерашняя школьница, а я уже тогда матерый траченый жизнью дядька.

– З-здравствуйте. Я к Анатолию, а вы…

– Савва. Типа брат его. Вот.

Ага. Брат. А еще бог красноречия.

Девочка моргает. Вся такая маленькая, ладненькая. В длинной юбке в пол и наброшенном на голову платке. Разрез рта узкий, а губы, наоборот, пухлые, как у куклы, и яркие без всякой косметики. Взволнованно проходится по ним языком. А глаза почему-то отводит. Не пойму… В них что, страх? «А-а-а! – протягиваю про себя. – Видно, девочку уже настращали. Просветили, так сказать, на мой счет». Что-что, а это мои родственнички умеют. Ну и черт с ним. Мне-то какое дело? Улыбаюсь с изрядной долей цинизма:

– Да ты не бойся, проходи. Я не кусаюсь.

– А я и не боюсь, – выпячивает вперед подбородок. – Значит, Анатолий еще не вернулся? И отца Михаила с матушкой нет?

Мотаю головой из стороны в сторону. Складываю на груди руки. Грудь голая. Я же только из душа вылез. Хорошо хоть спортивки надел, иначе девочка увидела бы явно больше, чем выдержало бы ее сердечко. А пока ей и моих татух с

головой хватает. Вон как на них глядит!

– А кто же вас встречал?

– Никто, – пожимаю плечами, – я дядя взрослый, меня встречать не надо.

Глаза девочки становятся совсем уж круглыми. Реснички хлоп-хлоп. Язычок по губкам туда-сюда. А тонкие руки к голове взмывают, чтоб спустить платок. Ух ты…

– Так не делается. Какая разница, взрослый – не взрослый?! – возмущается девочка и, растеряв весь свой страх, оттесняет меня вглубь дома. – Вы же издалека. Наверняка устали…

– Эм… Ну, все не так плохо.

В свете, льющемся из окна кухни, ее взъерошенные волосы напоминают нимб. Коса толщиной почти с мое запястье спускается по груди аж до самой талии. Касается кончиком кожаного ремешка. И как маятник качается туда-сюда при каждом ее плавном шаге. Абсолютно меня дезориентируя.

– А ты, собственно…

– Ника. Дайте угадаю, вы к нам с Анатолием на свадьбу приехали? – улыбается, обнажая жемчужные зубки.

Как на свадьбу? Нет, ну да… То есть… Толька наш на этой девочке, что ли, женится? Меня окатывает волной сокрушительного разочарования. Какого хрена? Как вышло, что она мне так быстро под кожу влезла? Вот как переступила порог, так я сразу и понял – эта девочка по мою душу пришла.

– Значит, у вас с Толькой любовь-морковь?

– Разве не поэтому люди женятся? – скромненькая вся, чистенькая, просто сахарок… А на язык, тем не менее, бойкая.

– Может, и поэтому. Но не рано ли вам под венец?

– Да нет! Мне уже почти девятнадцать. Я просто моложе выгляжу, – ничуть не обижается на мое замечание Ника. А я открываю рот, да так и стою, не найдя, что на это ответить цензурного.

Почти девятнадцать. М-да. Это, конечно же, все меняет.

«Дурочка… – проносится в голове и тут же: – Дурочка, потому что замуж идет? А ты бы сам ей что предложил, а, Саввочка? Может, в куколки поиграть?»

Да чтоб его!

– Мы уже целый год встречаемся.

– Ого, – хмыкаю и с интересом наблюдаю за тем, что Ника собирается делать. А та склоняется над кухонным шкафчиком. Шерстяная юбка облепляет маленький круглый зад. Я висну, облизываясь на нее, как Серый Волк, которого год не кормили. Ника оборачивается, достав сковороду. Ловит мой голодный взгляд, но, к счастью, неправильно его интерпретирует:

– Не думайте, я здесь не всегда так хозяйничаю. Просто вы, наверное, голодный, а матушки нет. Вот я и… – Ника разводит руки и той, что со сковородкой, нечаянно сбивает со стола банку с солью. – Ой!

Я срываюсь с места в слабой надежде поймать солонку, прежде чем соль рассыплется. Чем мой приезд закончится, и без всяких примет понятно, но пока есть шанс… Ловлю у самого пола, двигаясь по инерции, головой врезаюсь Нике в живот. Пахнет от нее ладаном. И чем-то сладким, девчоночьим, тонким… А еще растворителем. Замираем, как герои дрянного кино. Секунда, две… Я бы ее сожрал, если бы можно было.

– Ой! – повторяет и ручки мне на плечи кладет. Сейчас юбку вверх, под трусики носом и… Картинка такая яркая, что у меня на обратной стороне век расцветают астрами фейерверки. Фуф… Тормози, Савва, мать твою!

– Я не думаю, – отстраняюсь.

– Ч-что?

– Не думаю, что ты здесь хозяйничаешь.

– А, ну… – и снова, мать его, губы лижет. – Тогда я вам приготовлю яичницу. Это быстрее всего.

Вообще-то я поел. И в самолете, и потом, по прилету, в одном из ресторанов в аэропорту. У родителей то пост, то еще какая холера, а я парень большой и охочий до мяса. Да и сам факт, что она мне готовит…

– Тебе.

– Что?

– На ты давай. Не чужие же люди.

– Давай, – улыбается. – Вам с колбасой, да?

– Тебе, – обхватываю рукой ее подбородок. – Тебе. Повтори.

– Тебе, – повторяет послушно и снова ведет языком, оставляя на губах влажный след. Не сдержав себя, стираю его большим пальцем. Ника замирает, глядя мне в глаза, как пресловутый кролик на удава.

Ну и че мне с этой бадягой делать? А ниче. Что тут сделаешь? Опоздал. На год где-то.

– Пойду, оденусь. Ты сама-то не голодная? – интересуюсь, выходя из кухни.

– Не-а. Я на пленэре бутерброд ела, – кричит Ника мне вслед. Свое барахло я бросил неподалеку, в гостиной, так что мы друг друга прекрасно слышим.

– На пле… чем? – переспрашиваю, перебирая кое-как набитые в рюкзак футболки.

– Пленэре. Я оканчиваю художественное училище.

– А пленэр – это что такое? – возвращаюсь в кухню, одевшись. Ника отворачивается от шипящей сковороды и пробегается по мне быстрым взглядом. Девочка настолько невинна, что свой интерес ей не по силам скрыть. И от этой неожиданной взаимности мне еще больше тошно.

– Пленэр – это такая техника написания картин вне стен мастерской.

– А, это когда художники на улице пейзажи малюют?

– Ага. Типа того. – И как подарок – очередной быстрый взгляд.

– Нравлюсь?

Мой вопрос Нику как будто пугает. Еще бы. Мне б язык прикусить не мешало. Сейчас врать начнет, выкручиваться неумело…

– Д-да, – быстро-быстро кивает. – Интересные рисунки. В них есть что-то от Босха. Я его обожаю.

Так она про татухи мои? Туплю. А я ведь уже невесть что придумал.

– Тебе тоже он нравится?

– Кто?

– Босх.

– Я не знаю, кто это. Какой-то художник?

– Какой-то?! – от возмущения Ника даже с дыхания сбивается. Прикладывает ладонь к груди. Круглой. Хорошей такой троечке… – Это крупнейший мастер периода Северного Возрождения! Я думала, именно он вдохновил тебя на рисунки.

– Не-а. Это всё батя.

– Отец Михаил? – изумляется Ника, выключая сковороду.

– Угу.

– Ты хочешь сказать, что святой отец вдохновил тебя набить на тело всякую… эм… нечисть?

– Чего не сделаешь в знак протеста. К тому же от нечисти тут почти ничего не осталось. Перебил, – ухмыляюсь я. Ника наклоняет голову к уху, как диковинная заморская птица. – Что?

– Я думала, ты вытатуировал это… Нет. Ничего. Глупости.

– На зоне? Ты это хотела спросить?

– Меня это не касается. Ешь, не то остынет…

Видел я потом этого Босха. Даже в оригинале видел. Стопудово, мужик на чем-то плотно сидел. На трезвую голову такое не намалюешь. Хотя, конечно, занятно.

Отхожу, чтобы достать вилки. Две… Одну вручаю, естественно, ей.

– Что, так и будем из одной тарелки есть?

– А ты что, брезгуешь? – сощуриваюсь, хотя мне эта брезгливость знакома. Просто от такой, как Ника, ее, наверное, не ждешь, и это расслабляет.

– Нет… – вполне искренне удивляется девочка.

– Тогда бери. Меньше тарелок испачкаем – меньше потом будем мыть.

Этот аргумент заставляет Нику широко улыбнуться. Ест она с аппетитом. Не то что некоторые барышни, с которыми мне доводилось встречаться. Любо-дорого смотреть. И кто бы мог подумать, это так заводит. Впрочем, в ней меня заводит буквально все. Пульсирующая голубая венка на виске, перепачканные красками

пальцы…

– И откуда ты такая взялась?

– От бабушки. Она была прихожанкой отца Михаила.

– Ясно, – усмехаюсь. – А мама-папа твои где?

– Они у меня морские биологи. Постоянно в экспедициях. Интересная у них жизнь.

Ага. Жаль, что их интерес не распространяется на собственного ребенка. Я хмурюсь. Не понимая моего настроения, Ника утыкается взглядом в стол. А после мы оба тянем руки к тарелке.

– Я уберу.

– Да ладно. Сиди.

Я привык, что меня все безоговорочно слушаются, поэтому даже не щелкает, что она может сделать по-своему. Поднимаюсь. И Ника тоже встает. Замираем, едва не столкнувшись лбами. Глаза… губы… щеки сахарные – все так чудовищно близко. Я ощущаю, как в ее теле зарождается дрожь, понимаю по изумлению, написанному на лице, что она, скорее всего, ей не знакома… и думаю лишь: мне пизда. Так, в общем-то, и получилось.

В себя меня возвращает ощутимый такой удар по колену.

– Уйди! Плохой! Я тебя сейчас…

Опускаю взгляд на налетевшего на меня пацана. Оттаскиваю его за шкирку:

– Прекрати! Слышал? Я вас не обижу.

Ника, которая до этого стояла как соляной столб, отмирает и бросается к сыну.

– Эй, Ромка! Ну-ка перестань. Ты что здесь устроил?! Ну-ка!

Пацан шмыгает носом и смотрит на меня из-под упавшей на глаза челки. Нет, я, конечно, готовился… И представлял, что почувствую, когда его впервые увижу. Да только что толку? Как видно, я один хрен не готов. Да-да, переоценил свои силы. Все ж, блин, не молодею. Сорок… В сорок можно словить инфаркт?

– Ты ж сама сказала – плохой!

«Кто плохой? – туплю. – Я, что ли?!»

– Я такого не говорила! – голос Ники испуганно звенит.

– А убегали мы тогда почему? Это кто вообще? Ты кто?! – глаза мальчишки загораются невыносимой въедливой требовательностью.

Господи боже. Я знаю, от кого ему это дело в наследство досталось. Сам ведь порой точно так же смотрю.

– Это дядя Савва. Я тебе про него рассказывала.

Мальчишка моргает. Его щуплые плечи мало-помалу расслабляются. И выражение лица меняется. Совсем.

– А чего мы тогда убегали? Ты не узнала его, что ли?

Хороший вопрос. До хруста стискиваю челюсти. Заглядываю ей в глаза. Сколько там прошло лет? Одиннадцать? Она ни черта, кажется, не изменилась. Только губы не лижет больше. Теперь она их поджимает, так что уголки опускаются вниз.

– Ага. Темень какая…

А врать не умеет все так же.

– Так я зайду?

– Конечно! – пацан хватает меня за руку. – Я тебе здесь все покажу. – Тащит сначала в кухню, потом в комнату. У меня сердце в припадке каком-то заходится. Бум-бум-бум.

– Эй! Погоди…

– Что такое?

Да ноги меня не держат! Вот что. Но в таком нормальный мужик не признается, поэтому…

– Я с дороги. Дай хоть дух перевести, – без приглашения опускаюсь на табуретку. Хрен кто меня с места сдвинет. А ведь Ника не прочь… Я это по ее испуганным глазам вижу. Чего она, интересно, боится? И с каких пор?

– Да, Ром, иди. Тебе еще уроки делать.

– Ну, не-е-ет! Опять эта скукота бессмертная. – Он забавный, пытается спорить. Но все же, в конце концов, остаемся одни. Меня колбасит, будто я хапнул чего-нибудь запрещенного. Откашливаюсь. Хрен его знает, как начать разговор…

– Чай будешь? К сожалению, ничего существенней нет. Пиццу заказать можно. Или насыпать хлопья к молоку…

– Давай чай, – выдавливаю я. Ника берет чайник, подносит к крану. Пристально наблюдаю за каждым ее движением, жестом… Надо что-то сказать. Как-то объясниться. Мне даже представить страшно, что ей пришлось пережить одной.

– Я только узнал обо всем. До этого… Был на вахте почти полгода, в такой жопе, что мама дорогая. Уехал аккурат перед тем, как все случилось.

– Понятно. – Нике явно неприятно это обсуждать. Но как, блин, без этого?! – А приехал зачем? Хочешь с Анатолием повидаться? – чайник отправляется на подножку. Вода начинает потихоньку шипеть…

– Чего-о-о? Да на кой мне этот урод моральный? Или ты в его невиновность веришь?

Ника сглатывает. Голубая венка у нее на виске пульсирует. Нервничает девочка. Оно и понятно…

– Нет. Там все… однозначно.

– Вот именно. Я читал материалы дела…

– То есть ты не собираешься его вытаскивать. – Ника разливает чай по чашкам. – Тогда зачем ты здесь?

– Я к вам приехал. Дай, думаю, узнаю. Может, помощь нужна, деньги там или…

– Обойдемся! Нам ничего не надо. Разве что забыть это все поскорее… Все… Вообще, что с ним связано. – Ника останавливает на мне переполненный горечью взгляд. Ну, так-то я не дурак. Намек понятен. Другое дело, что у меня на этот счет совсем другие мысли.

Глава 3

Ника

– И насколько тебе это видится осуществимым?

Сглатываю. Дурочка. Я-то думала, к тридцати поумнела. А Савва смотрит, как только он умеет, не мигая, будто прямо в душу, и у меня опять, как тогда, в первый раз, когда мы чуть не поцеловались, все внутри горит.

– А каком смысле?

– В том самом. Думаешь, мы сейчас с тобой чайку попьем, и я отчалю?

Савва пододвигает локти к середине стола и облокачивается на них, так что наши лица застывают нос к носу прямо под свисающим с потолка абажуром. В

горле пересыхает.

– Я не знаю, что думать. Зачем ты здесь, ведь мы договаривались…

– Тогда все было иначе!

– Не понимаю, что изменилось. – Отвожу взгляд.

– Ты больше не с Толиком.

– Да, но…

– Ник, ты же не собираешься ждать его из зоны? В том, что ты могла бы, я, конечно, не сомневаюсь. Но ты его приговор видела? Полагаешь, он со своей статьей протянет там десять лет?

– Тебе лучше знать! – выпаливаю, прежде чем успеваю подумать. Савва сощуривается. Я в ужасе прикрываю ладонью рот. – Прости! Пожалуйста, прости. Я не хотела тебя обидеть…

– Проехали. – Он вздыхает. Но вроде так, без обид. Как будто бы с пониманием даже. – Ты девочка нежная, а такие события кого хочешь доконают. – Савва поднимает руку и принимается ласково поглаживать мою скулу. В горле горчит. Иногда мне и впрямь хочется, чтобы кто-то меня пожалел, но это неправильно. Жалость – скверное чувство. Да и я уже взрослая тетка, как бы он меня не называл…

– Ты не знаешь, какая я. – Отодвигаюсь. – Мы не виделись чертову кучу лет…

– За это время ты не слишком изменилась, уверяю. И кстати, ругань тебе не к лицу. Давно ты стала матерщинницей? – обнажает зубы в белоснежной насмешливой улыбке.

– Не придумывай. Так сейчас говорят все, кого ни возьми.

– Ты – не все, Ника.

Смешно, но когда Савва так на меня смотрит, в это очень легко поверить. Другое дело, что я не хочу обманываться. Во мне нет ничего особенного. Анатолий, вон, как оказалось, мне мальчишек предпочитал. А я, слепая, не замечала ничего столько лет!

– Нас с твоим братом развели. А еще он был лишен родительских прав. С такой статьей это было несложно.

Савва вскидывается:

– Отлично. Меньше мороки, – и замолкает, играя желваками на скулах. С удивлением наблюдаю за тем, как его руки сжимаются на столе в пудовые кулаки. – А Романа он…

– Нет! Нет, его он не трогал… Клянусь! – запальчиво отвечаю я.

– Откуда такая уверенность? Он совращал мальчиков в семинарии!

Вопрос вполне закономерный. У Саввы есть полное право сомневаться в моих словах. Ведь я обещала ему вырастить ребенка счастливым. И чуть было не нарушила это обещание, едва не проглядев своего малыша…

– С ним разговаривали психологи, делали всякие тесты. Так ты поэтому настолько… – не понимая, как охарактеризовать состояние Саввы, выпаливаю: – разволновался?

– Разволновался? – хмыкает. – Ну, ладно. Давай назовем это так.

А как еще назвать? Я ведь понятия не имею, что он чувствует по отношению к Ромке! По логике – ничего. Они даже незнакомы, но…

– Роман в порядке, – повторяю с уверенностью. – Можешь уезжать с чистой совестью. Правда.

Похлопываю Савву по руке, выражая благодарность за его неравнодушие к нашей с Ромкой собачей жизни, и начинаю выбираться из-за стола. Но не тут-то было. Савва перехватывает мою ладонь и, ни на шаг от себя не отпуская,

заявляет:

– Я никуда не собираюсь уезжать. Без вас так точно.

Бухаюсь обратно на табуретку, опустив очи долу. Телом проходит волна обжигающей дрожи. Может, я не совсем нормальная женщина, но мне кажется, что подобного рода заявления – самая сексуальная штука на планете. И, уж конечно, эта уверенность только лишний раз доказывает мою слабость и абсолютную неспособность справляться с трудностями в одиночку и защитить себя, и… Как же много этих коварных и!

А мне ведь тридцать лет скоро. Быть настолько инфантильной в моем возрасте стыдно и безответственно.

– Без нас? Но… Мы же чужие люди, Савва. Нас связывал Анатолий, но…

– Связывал? Анатолий? – Савва брезгливо кривит губы. – Если что Анатолий и делал с нами, то лишь разъединял. Я все это время не мог смириться, что он…

– Ты так не думаешь, – лепечу.

– Черта с два! Не нужно было мне ему тебя отдавать.

Савва вскакивает. Пересекает тесную кухню и замирает у окна, протиснувшись между столом и стенкой. Его широченная спина раздувается под натиском жадных вдохов подобно кузнечным мехам. В носу колет. Мне хочется его коснуться… Утешить как-то, но все, что он говорит, не вкладывается в мою голову! А я такая недоверчивая в последнее время, что… так и не решившись к нему приблизиться, лишь безвольно замираю с занесенной к нему рукой.

– Меня у тебя никогда не было. – Отхожу в сторону.

– Каждый раз, когда я заглядывал в твои глаза, ты была моей. Каждый раз, когда я целовал тебя… И уж тем более, когда ты раздвигала передо мной ноги.

Он чудовищно прямолинеен. Но мне это даже… нравится? У бабочек в моем животе фальстарт. Они щекочут крылышками нутро, разгоняют по телу

пустоцветную нежность… И я, конечно, могу все отрицать и дальше, но если говорить честно, Савва, конечно же, прав. Он при каждой нашей встрече присваивал меня себе так, что переставал быть чужим априори…

– Пойду, проверю Ромку.

Выхожу из кухни под барабанную дробь колотящегося в горле сердца. Ромка, кое-как накарябав уроки, уснул с телефоном в руках. Хорошо, что завтра в школу. Может, встанет пораньше, а не в последнюю минуту, как обычно. Ромка… Сынок. Сколько я всего пережила, прежде чем он родился! Провожу пальцами по его мягким волосам. Наклоняюсь ниже и замираю, уткнувшись носом в темную макушку. Теперь-то я понимаю, что Бог не давал нам детей с Анатолием из-за его грехов. Но тогда, семь лет назад, меня не покидала уверенность, что это я какая-то не такая. И чтобы стать «такой», я держала посты, молилась, и била поклоны… Я плакала и впадала в отчаяние. А потом каялась в нем на исповеди. Каждый раз… каждый раз! И так продолжалось три… нет – четыре года. Пока я случайно не узнала от свекрови, что Анатолий бесплоден.

Закрываю глаза и, как сейчас, вижу перед собой тот давний разговор.

– К-как? Почему же он ничего не сказал мне?

– А он ничего о своем бесплодии не знает. – Свекровь улыбается, будто в этом есть что-то веселое, и начинает оттирать от грязи брошенную в раковину картошку. У меня же земля уходит из-под ног. И кухня перед глазами пускается в пляс.

– Как такое возможно?

– А зачем ему сообщать? Ты же знаешь, как непросто с этими мужчинами? Еще не хватало, чтобы у него комплексы развились! Ты ведь этого не хочешь?

– Нет, конечно!

– Вот и помалкивай. Я тебе это всё рассказала не для того, чтобы ты Анталию передала.

– Но как же? – я сглатываю, откладываю от греха подальше нож, ведь руки так дрожат, что можно запросто оттяпать себе полпальца. – Пока он не знает о своей проблеме, мы не сможем ее решить…

Я собираю в кулак все свои силы, чтобы не выглядеть истеричкой в глазах свекрови. Но опыта в таких играх мне явно недостает. Губы дрожат, руки трясутся… И возмущение без всякого труда вытесняет во мне смирение, смирение, которое я копила не один год.

– А как, позволь, ты это собралась решать?

Мне двадцать три. Я понятия не имею. Знаю только, что наверняка существуют какие-то способы. И что у меня на подходе истерика.

– Наверное, от этого есть лечение.

– Нет. Неужели ты думаешь, я не поинтересовалась?

– Тогда можно попробовать провести ЭКО или, на худой конец, усыновить кого-то…

– Забудь. Бесовская процедура! А детки с божьего благословления на свет родиться должны, – свекровь деловито выкладывает картошку в кастрюлю. – Что же касается усыновления… Ты, наверное, помнишь Лидию Васильевну? Щупленькая такая, обычно у Семистрельной стоит?

– Д-да… Конечно.

– Так вот усыновила она в свое время паренька. Не послушалась, хотя ей говорили, мол, Лидка, ну куда ты лезешь, мало ли кто у него родители. И что?

– Что? – всхлипываю я на грани истерики.

– Вырос наркоман. Все из дома тащит. Мать лупит. А уж сколько она в него сил вложила! И на английский таскала его, и на шахматы. Спаси и сохрани. – Крестится.

Была бы я тогда посмелее, постарше, так непременно нашла бы что возразить. Сказала бы, что такие истории происходят повсеместно и с родными детьми. Но в тот момент я промолчала. А может, свекровь нарочно не дала мне высказаться. И продолжила гнуть свое, смерив меня колючим, пробирающим до костей взглядом:

– К тому же грех брать чужих детей, когда ты можешь своего выносить.

– Чтобы кого-то выносить, нужно этого кого-то сначала зачать, – смеюсь сквозь слезы.

– Есть у меня некоторые мысли на этот счет…

– Мысли? Какие такие мысли?!

Свекровь ставит картошку на газ. Наклоняется ко мне и шипит, задевая губами ухо:

– Анатолий к зачатию неспособен, а чужие гены нам в семье ни к чему, так?

Я киваю, сбитая с толку, ничего не понимающая. На глазах слезы…

– Конечно.

– Тогда остается лишь один вариант. Других нет.

– Какой же?

– Савва.

– Ч-что?

– Савва все сделает. Он грубиян, конечно, и распутник жуткий, но чего не стерпишь ради благого дела.

– Вы что, совсем спятили?!

Даже сейчас, по прошествии лет, я горжусь тем, что мне хватило сил и смелости противостоять давлению свекрови и свекра… Прежде чем все-таки им уступить.

Целую Ромку, веду носом и… ловлю на себе тяжелый взгляд Саввы. Ноги наливаются чугуном. Понятно, что отсидеться здесь не получится. Непонятно, где найти в себе силы выйти к нему опять. Плетусь, как на заклание. Мимо, задевая телом тело.

– Тебе идет… – сипит он за спиной.

– Что именно?

– Быть мамой.

Мои губы дрожат. В тишине прохожу в кухню. На столе – давно остывший чай. Я вцепляюсь руками в столешницу и задаю вопрос, который мне давно не дает покоя.

– Почему ты согласился?

– Потому что ты попросила.

– А если бы я тебя попросила…

– Что, с девятого этажа прыгнуть? – смеется невесело. – Я бы и это сделал. Но, заметь, твое предложение было гораздо более заманчивым. Ты не представляешь даже, насколько.

– Твоя мать предупреждала, что ты развратник.

– С тобой все было иначе.

– Ну, да. – Недоверчиво усмехаюсь, хотя, если вспомнить ту ночь… Нет, лучше не надо. – Чего ты хочешь теперь? Сразу скажу, что я женщина самостоятельная. Нянька мне не нужна. Я со всем справлюсь… Почему ты так на меня смотришь? Я кажусь тебе смешной?

– Ни в коем случае.

– Тогда ты мне не веришь?

– В том, что ты со всем справишься? Может быть. Я только не пойму, зачем тебе это делать. – Савва оборачивается и снова обхватывает мой подбородок рукой. – Я ведь сказал, что буду рядом.

– А я сказала, что мне это не нужно! Я хочу поскорее забыть все, что случилось! А ты…

– Что я?

– Будешь мне постоянно напоминать о вашей мерзкой семейке, вот что!

Савва сжимает челюсти и, глядя мне в глаза, делает несколько глубоких вдохов. Если честно, я даже завидую его самообладанию. Тому, как он лихо, в общем-то, справляется со своим бешеным темпераментом.

– Напомню, что я уже очень давно к этой мерзкой семейке не имею никакого отношения. И мой сын…

– Мой сын, ты хочешь сказать! – Я отворачиваюсь и до того сжимаю пальцы на столешнице, что те белеют.

– Окей, наш сын… он ведь тоже – часть этой семьи.

И тут я все-таки всхлипываю. А он… кладет мне на талию свою огромную руку, соскальзывает на живот и прижимается ко мне со спины большим сильным телом, даруя блаженное, давно забытое ощущение защищенности.

– Прости.

– Ну, что ты, девочка. Ты просто устала. Ложись, поспи.

– Так и сделаю, когда тебя провожу.

– А я никуда не собираюсь.

– То есть как это? – разворачиваюсь в его руках.

– Ну а куда я поеду на ночь глядя?

– Некуда?

Савва качает головой из стороны в сторону. Конечно, врет он все, но…

– Диван один. Обещай, что не тронешь меня.

– Клянусь. А если меня тронешь ты? Я могу ответить?

Смеюсь сквозь слезы. Савва всегда был провокатором.

– Не дождешься. Пойдем. Нужно еще найти тебе одеяло.

Глава 4

Савва

Легко сказать – спи. Но как уснуть, когда она рядом? Ворочается и вздыхает. А я полгода без женщины ходил краем. Уши вянут. Думал, вернусь домой, оторвусь на Ленке. А как про Толика узнал, все бросил и сюда двинул. Считай, сутки за рулем. На самолет специально билет не стал брать. Хотел остыть. Потому что если бы я сразу примчался, мог бы и беды какой натворить… Или Нику напугать – дядька я взрывной. Или… Да что угодно.

В общем, я как скрученная до предела гайка. Того и гляди – сорвет резьбу. Может, зря я проигнорировал девочек на трассе? Там, конечно, не первой свежести контингент, но, глядишь, нашлась бы какая-нибудь блядь поприличнее. Было бы желание. Да только это ведь все равно грязь. Как

подумаю, что после такой мне прямиком к Нике ехать, так все желание пропадает напрочь. Не хочу, чтобы ее это дерьмо касалось. Даже вскользь не хочу.

Переворачиваюсь на спину. Гляжу в потолок, прислушиваясь к тому, что чувствую, кроме обжигающей жажды. Гоню горячие картинки. Стараюсь дышать размеренно, чтобы ее не напугать. Убеждаю себя, что невозможно получить все и сразу. Я и так за эти сутки добился большего, чем за предыдущие несколько лет. Проделал путь от «мне ничего не светит» до «нужно просто подождать». И это большее, на что я мог рассчитывать. О чем говорить, если мы в одной кровати лежим? А за стеной спит наш сын…

Я поворачиваюсь на бок, занимая ту же позу, что и Ника, обтекая ее, но все же не касаясь. Что делать с ней, я в принципе понимаю. Любить. Оберегать. Быть рядом. С мальчишкой же за стенкой все обстоит совершенно иначе. Ну, какой из меня отец? Я детей никогда не хотел. Потому что их надо воспитывать, а я понятия не имею, как это делать. Знаю только, что меня самого воспитывали совершенно неправильно, и что сам я таким «воспитателем» быть не хочу. Я не буду ломать своего ребенка, заставляя его жить по-моему, не буду бить его за малейшую провинность или непослушание. Это дерьмо собачье, а не методы. С другой стороны, никаких других я предложить не могу. Угу, я понятия не имею, что противопоставить жестокости. У меня не было другого, положительного примера. А это не тот случай, когда можно и поэкспериментировать. В случае с детьми цена ошибки слишком велика. Я не хочу испытывать судьбу и проверять, получится или нет из меня нормальный батя.

Наверное, только поэтому я и согласился помочь Нике, когда она попросила. Продолжения мне, как любому нормальному мужику, эгоистично хотелось. Желание наследить в истории, передав потомству свои гены – мощный инстинкт. Плюс я в принципе не мог от нее отказаться. От родительства – запросто, от нее – нет. Иного шанса ее получить у меня не было. Только так, умыкнув из-под носа у брата. И я сознательно на это пошел. Или… бессознательно. Когда Ника на меня смотрит, я, признаться, соображаю довольно туго.

Ч-черт. Гребаный стояк! А Ника ничего. Засыпает, дыхание выравнивается. Быть с ней так близко и держать при себе руки невозможно. Я перекатываюсь на другой бок, спускаю ноги с кровати и, осторожно ступая, покидаю комнату. Из тесного коридорчика выходят еще две двери – в кухню и спальню. Иду к

Роману… Сам не знаю, зачем. Просто тянет.

Ромка спит на животе. Волосы всклочены, нога закинута на одеяло. Я подхожу к изголовью и нерешительно включаю ночник. Детей обычно пушкой не разбудишь, так что я не боюсь потревожить его сны. Не то чтобы я разбирался в детях… Впрочем, это я уже говорил.

Сажусь рядом. Роман – не сказать, что полная моя копия. Но от меня в нем достаточно. Цвет волос, разлет бровей, то, как смотрит… Ну, сейчас-то он спит, а когда из-подо лба бычится – вылитый я. В груди ноет. Не знаю, что бы я чувствовал, если бы Толик его… Опускаю голову и жадно хватаю ртом воздух. Крылья носа яростно вибрируют. Лучше об этом не думать. Безопаснее сконцентрироваться на нашей схожести. Или попытаться успокоить себя тем, что теперь-то у меня все под контролем. Я сумею их защитить. Пусть только кто-то попробует встать у меня на пути… Я им глотки перегрызу, я им вены…

Стряхиваю красную пелену, упавшую на глаза. Ноги у Ромки длинные. Вон, какие мослы торчат из ставших ему коротких штанов от пижамы. Ступни узкие, как у меня. Протягиваю руку, касаюсь. Сердце заходится, как сумасшедшее. Это же… мой сын. Мой… сын, твою же бабушку. Здоровенный какой. Вымахал. А маленький каким он был? Внутри сводит. И в этот момент, может быть, самый нереальный, щемящий момент в моей жизни, я краем глаза успеваю заметить, как ко мне, отделившись от темноты, метнулась тень. Реагирую на автомате. Машинально. Инстинктами… В этом мире или ты, или тебя. Я из тех, кто это очень хорошо понимает.

– О-ох…

– Ника?! Господи, какого черта ты вытворяешь?! – сиплю я, когда Ника налетает на меня шипящей злющей кошкой и начинает метелить, успевай только уклоняться. Самому-то мне что? А вот она поранится. – Т-с-с! Ну-ка, успокойся! – рявкаю я и, осторожно ее скрутив, выхожу из комнаты. – Перестань. Какого черта на тебя нашло? Хочешь сына разбудить?!

– А ты, конечно, хотел, чтоб он спал?! И не знал о твоих грязных делишках?!

И вот тогда до меня доходит, что эта дурочка себе придумала с перепугу…

– Похоже, ты меня путаешь с кем-то другим, – цежу, аккуратно ее встряхнув. Хочется, конечно, сильнее, но свой темперамент я, к счастью, держу в узде.

– Ты его трогал!

– Ну, прости! Мне захотелось коснуться сына. Хоть через шесть, мать его, гребаных лет! – ору. Ника замирает, шаря по моему лицу пытливым недоверчивым взглядом.

– Савва… – шепчет, облизав губы.

– Проехали. Пойдем спать.

Обнимаю глупышку за плечи. Привлекаю к себе. Не могу на нее обижаться. Только на себя. За то, что не оказался рядом, когда был так сильно ей нужен. Ника, может, и сама не понимает, насколько. А я в этом подольше варюсь. То, что Толяна упекли – чудо. У бати длинные руки, он мог отмазать его от всего. Просто потому что для церкви такие случаи – слишком большие репутационные риски. Спасло то, что в крайний раз отец, мать его, Анатолий не на того напал. У очередной жертвы его притязаний дядя оказался не последним человеком в правительстве, и это гарантировало более-менее честное следствие. А если бы все и дальше молчали? Страшно представить…

– Н-не м-могу с-спать. Я с-сейчас не усну, – сбиваясь, шепчет мне в шею. Обнимаю крепче. Веду ладонью по волосам. Девочка. Маленькая, хрупкая снаружи. А внутри – львица.

– Тогда пойдем на кухню. Еще чая выпьем.

– Ты ж с дороги. Устал. А я тебе чай…

– Ага. Чай и по яйцам.

– Больно? Прости.

– Хочешь пожалеть? – не могу удержаться от провокации.

– Савва!

– Да шучу я. Нормально все. Но в следующий раз лучше в другое место целься, – смеюсь, и Ника смеется тоже. – Ух ты. А что у тебя на подбородке?!

– Так это ты меня приложил! – Ника осторожно ощупывает пальчиками здоровенную гематому.

– Та-а-ак. У тебя есть что-нибудь холодное?

– В морозилке, наверное, можно найти кусок мяса.

Достаю, обматываю полотенцем и осторожно прижимаю к наливающемуся фингалу. Глаза в глаза. И ее губы… Смотрю, как завороженный.

– Больно?

– Терпимо.

– Что ж ты бедовая такая? Я тебе шею мог свернуть. Это же инстинкты! Я их не контролирую. Чувствую опасность, и все… Я уже не я.

– Звучит… безопасно. Мне бы тоже так хотелось уметь. – Ника зябко ежится.

– Зачем? У тебя для этого есть мужчина. – Откладываю на стол компресс. Приближаюсь и мягко ее целую. Внутри поднимается жаркая волна и прокатывается, сминая все на своем пути, сжигая вены. Сердцу в груди тесно. Ника тихонько вздыхает. Я раздвигаю языком ее губы, углубляю поцелуй, неторопливо исследуя ее рот. Остатки воли уходят на то, чтобы этим и ограничиться. Мое терпение вознаграждается, когда Ника сама притягивает меня к себе, скомкав в руках край футболки. И, казалось бы, ее пальцы едва касаются кожи, а меня кроет так, что нечем дышать…

– Девочка моя… – только бы не испугать. Я знаю, какая она нежная, какая невинная. Во мне же слишком много дурной силы. И руки в мозолях, задубевшие от мороза. Они с железяками по большей части дело имеют. А не с таким… Поддеваю футболку. Веду большими пальцами вверх. Меня кроет даже больше,

чем в первый раз.

– Ну, все. Перестань.

– Почему? – выдыхаю, прижимаюсь ко лбу Ники своим лбом. – Я что-то не так сделал? Тебе неприятно? – а пальцы сами собой вверх скользят. Выше, к груди.

– Нет! Просто все слишком быстро, Савва.

Слишком быстро. Я сползаю на пол. Лбом утыкаюсь в диван. Плечи ходуном ходят.

– Это одиннадцать лет – быстро? Ник…

– Ну, какие одиннадцать? Не было у нас их.

– Вот именно! Не было. Поэтому надо срочно наверстывать. Я соскучился. Иди сюда.

– Ты опять примешься за свое. – Дует губы.

– Я не сделаю ничего из того, что ты не захочешь. Ну же, малышка. Помнишь, как тебе было со мной хорошо?

– Это было давно и неправда.

– Ну да, – смеюсь. – Я тебя смущаю?

– Нет!

– Смущаю… Господи, поверить не могу.

– Я кажусь тебе смешной только потому, что не горю желанием прыгнуть в койку к первому встречному?!

– Я не первый встречный.

– Все равно. Мы в последний раз виделись шесть лет назад, Савва! А теперь ты приезжаешь и хочешь… хочешь…

– Забрать то, что мне принадлежит по праву?

Глаза Ники потрясенно расширяются. Что ж, очевидно, она не смотрела на ситуацию под таким углом. Это я все для себя решил, а ей к этой мысли еще предстоит привыкнуть.

– Я не вещь, чтобы меня забирать! – Ника вызывающе задирает подбородок, но ее голосу явно недостает решимости. Девочка… говорю ж.

– Не вещь. Но я тебя все равно заберу.

– Вот как? А взамен? Взамен ты мне что-нибудь дашь?

– Уже дал. Себя… Давным-давно. Ты просто этого не замечала.

Ника в смятении отворачивается. Ладно, это я тоже могу понять. Ей просто нужно время, чтобы ко мне привыкнуть. А я парень терпеливый. Ей ли этого не знать?

– Я пойду спать. Завтра рано вставать.

– Зачем?

– У Романа школа, а у меня полно работы. Нужно будет съездить к заказчику, а потом на точку. Перед новым годом картины всегда покупают охотнее. Лишняя копейка не помешает.

К моему удивлению, в этот раз Ника засыпает буквально за считанные минуты. Сам я еще недолго кручусь, но, в конце концов, тоже проваливаюсь в сон. Просыпаюсь от того, что кто-то трясет меня за плечо.

– Савва! Савв… Послушай, мы с Ромкой уходим, ты как выспишься, ключи у Люськи в сорок восьмой оставь, хорошо?

– Как уходим? – вскакиваю. Ромка стоит в пороге, уже в куртке, шапке. Ника тоже натягивает пуховик. Ну и задрых же я с дороги! Не слышал ни как они завтракали, ни как одевались. – Я вас отвезу.

– Не надо! Я такси вызвала, уже ждет.

Значит, все-таки испугал? Передавил, значит… Раз она решила сбежать? Подхожу к окну, отдергиваю шторку. И правда, стоит у подъезда какая-то раздолбайка.

– Это за вами машинка? Тариф «дискомфорт плюс»?

– Какая приехала! – запальчиво отвечает Ника.

– Отменяй. Я же сказал – отвезу. Только умоюсь.

– Да, ма… Отменяй. У дяди Саввы машина лучше.

Скрещиваем взгляды. Ну, девочка, гляди – не гляди, а меня ты не пересмотришь.

– Не хотела доставлять тебе неудобства, – морщит нос Ника. На языке вертится – «Тогда надо было позволить тебя как следует отлюбить. Уж если что и доставляет мне неудобства, так это стояк». Но вслух я лишь в который раз замечаю:

– Никаких проблем. Я же сказал, что с радостью помогу. Дай мне минуту.

– В ящике есть новая зубная щетка, – кричит мне в спину.

Я быстро умываюсь, Ника отменяет заказ. Вместе дружно выходим из дома. Вот бы так всегда!

– Автокресла нет, но я куплю.

– Савва, – вздыхает Ника, – это совершенно лишнее. Ты же не собираешься всю жизнь заниматься нашим извозом.

– Именно это я и собираюсь делать.

Она бьется головой о стойку двери. Я улыбаюсь.

По дороге в школу по большей части молчим. Лишь на подъезде Ника обращается к Ромке:

– Если будут опять задирать, не вздумай драться.

– А что мне делать? Пусть они и дальше гадости говорят?

– Конфликты нужно решать мирно.

– А их никто не хочет решать! Они меня специально изводят. Ненавижу я эту школу!

– Рома!

– Ненавижу! Если это опять начнется, я просто разбегусь на все четыре стороны, так и знай.

Глава 5

Ника

Разбежится он! Смеюсь. Треплю Ромку по макушке. Хотя впору плакать.

– Выше нос. Мы что-нибудь придумаем, слышишь? Я тебе обещаю.

Судя по лицу, сынок мне не очень верит. Оно и неудивительно. Как-то плохо у меня получается его защищать в одиночку. Я только и могу, что снова и снова повторять – не лезь в драку, им надоест, и так далее. Но маленьким чудовищам

не надоедает. Они как учуявшие мясо шакалята, не остановятся, пока жертва жива. Иногда, прости господи, мне и самой хочется их побить.

– Ты к нам еще приедешь, дядь Савв?

Савва стоит, подперев бок машины задом, руки скрещены на груди, и внимательно наблюдает за нашим прощанием. Машина у него большая, красивая, ему под стать. В каком-нибудь седане Савву с его габаритами представить сложно.

– А я никуда не уезжаю.

Ромка оживляется. Даже улыбается криво, перед тем как влиться в плотный поток спешащих в школу товарищей по несчастью.

– У него проблемы? – интересуется Савва, открывает мне дверь.

– Не с учебой.

Я сажусь, тянусь к ремню, чтобы пристегнуться.

– А с чем тогда?

– С одноклассниками. Из-за истории с Анатолием. – Я отвожу взгляд, Савва захлопывает за мной дверь и, обойдя машину, садится на водительское сиденье. Вена у него на виске вздулась и яростно пульсирует. Похоже, он очень зол. Не зная, как его успокоить, молча гляжу прямо перед собой. Погода отвратительная, даже как для зимы в наших краях. В окно колотит дождь со снегом. Меня охватывает чувство глухого бессилия, такого же беспросветного, как серая хмарь за окном.

– И что ты думаешь делать?

– Не знаю! Все, что могла, я уже сделала. Поговорила с учительницей и с директором, но толку от этого нет. Поехали, Савва. Не хочу опоздать, а дорога такая, что где-нибудь наверняка встанем в пробке.

– Я и забыл, что здесь даже в декабре слякотно. То ли дело у нас. Красота. Поедем со мной, – говорит, будто вскользь, перестраиваясь в правый ряд. Я даже не уверена, что мне не послышалось. В конце концов, на светофоре шумно – машины сигналят, надрывается светофор, еще и дворники скребут по стеклу.

– Что? – мой голос больше походит на писк.

– Я тут даже ради вас не смогу остаться. Нечего мне здесь делать. А там работа, дом. Настоящий, в лесу…

Сглатываю.

– Ты очень… кхм… стремительный.

– Ну а чего теряться? – Савва улыбается. Смотрит на меня пристально. И коварно молчит, подчеркивая тем самым, что он предложил, но решать только мне. А я не хочу! Мне так хорошо, так мирно в кои-то веки. В окно молотит дождь, расползаются пятна фонарей, тихонько играет радио… А наши ладони лежат на коробке передач так близко, что мизинцы почти касаются, и это, наверное, самое острое, самое пробирающее переживание за всю мою жизнь. Мне еще ничего так сильно не хотелось, как… Савва чуть ведет кистью, наши пальцы переплетаются. О, да. Вот так. Так хотелось. Дрожу как осиновый лист.

– А куда мы вообще едем?

– К заказчику.

– И часто ты работаешь на дому?

– Не очень, но бывает и так. – Морщусь.

– Не похоже, что тебе это по душе.

– Мы не всегда делаем то, что нравится.

– Почему? – кажется, он искренне удивляется. И в этом весь Савва – сам себе на уме, свободный, ни к чему и ни к кому не привязанный. Вольный ветер.

– Потому что!

– Это не ответ. Зачем делать то, что не приносит тебе удовольствия?

– Конкретно в моем случае? Затем, что это приносит деньги.

– Давай я тебе дам денег, и мы поедем домой? – Савва хищно оскаливается.

– Ты меня хочешь купить? – не верю своим ушам. – Как шлюху?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/reznik_yuliya/nebom-dan

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить